Она стояла в дверях моей спальни, сжимая подушку. «Могу ли я спать с тобой», спросила она.

Теперь, когда она была здесь, я так много о ней не знал и так много, что мне нужно было знать, мелочи, которые внезапно становятся такими важными, когда их не хватает в вашей повседневной жизни. Она пьет кофе? Что она ест на завтрак? Во сколько она ложится спать? Во сколько она встает утром? Как она выглядит утром без макияжа?

Было так много вещей, чтобы узнать о ней. Какие программы она смотрит по телевизору? Ей нравится смотреть бейсбол, Бостон Ред Сокс? А как насчет футбола, патриоты Новой Англии? Баскетбол, Бостон Селтикс? Хоккей, Бостон Брюинз? Именно тогда я понял, что мне нужно получить жизнь, а не проживать свою жизнь за счет жизни профессиональных спортсменов.

Мои проблемы с ее личной жизнью продолжались в моей памяти. Какая музыка ей нравится? Какую сторону кровати она предпочитает? Она спит в пижаме, ночной рубашке или в обнаженном виде? Я мог только представить себе образ ее спящей в обнаженном виде. Ладно, последние два вопроса, я признаю, преждевременны, но, может быть, если бы они обсуждались в разговоре о готовности ее сна, я бы особо отметил ее предпочтения.

Я помог ей с ее вещами, перемещая то, что ей нужно, чтобы я нес, поднимал и двигал, и помогал ей устроить пустой шкаф в гостевой спальне. Никто не был здесь с тех пор, как моя подруга переехала в прошлом году, и до этого мои дочери-близнецы оставались со мной, пока не начали свою карьеру. Я был не только взволнован тем, что у меня есть соседка по комнате, но и тем, что она была ее соседкой. Если ничего больше, преуменьшение, это был кто-то, с кем можно разговаривать ежедневно. Иногда одиноко жить одному, и, как бы мне не хотелось это признавать, я только начинал привыкать к тихой пустоте, которой стала моя жизнь, без женщины в моей жизни.

Мне пришлось приложить сознательное усилие, чтобы не смотреть на нее, она была настолько чертовски красива, и я был так чертовски привязан к ней, что не мог удержаться от того, чтобы пялиться. Боясь разрушить это временное устройство, заставляя ее постоянно чувствовать себя некомфортно, я сказал себе не смотреть на нее, а играть в нее круто. Только внутри я умирал. Мне не терпелось прикоснуться к ней, обнять ее и поцеловать. Она поглощала каждую мою мысль. Я влюбился в нее.

Она вытащила из чемодана джинсы и футболку, подошла ко мне и обернулась.

"Не могли бы вы сделать мне почести?"

Это было какое-то время, так как я был с женщиной и сначала; Я не знал, что она хотела, чтобы я сделал. Затем она указала на заднюю часть своего платья. Я расстегнул молнию на ней, оделся и был вознагражден видом сзади ее лифчика. Я застыл на месте и уставился на нее. Я видел верхнюю часть ее трусиков, представляя, как она целует ее шею и спину. Тогда я не мог поверить в это, когда она наклонилась, подтянула подол и подняла платье вверх и над головой.

Она повернулась ко мне лицом и улыбнулась. Там она стояла в трех футах от меня в своем низком, сексуальном кружевном лифчике и трусиках в бикини. Как будто она стояла передо мной полностью одетой, она говорила, как она оделась.

"У тебя красивый дом, Фредди."

«Спасибо», - сказал я, сказав себе не смотреть на ее полуголое тело в нижнем белье, но я не

слушал себя. Я смотрел Я смотрел на ее лифчик и смотрю на ее трусики, размышляя о том, что под этими очень тонкими и прозрачными шелковыми и атласными кусочками материала.

Мальчик, у нее когда-нибудь было тело. У нее было тело журнала Playboy, но без фальшивых сисек. Все в ней было настоящим, искренним и искренним. Как только я так подумал, я понял, что высоко поставил ее на пьедестал, как и со своей бывшей женой. и как я сделал с моей бывшей девушкой. Вы могли бы подумать, что я извлек бы уроки из неудачного опыта, который у меня был с моими бывшими. Мне нужно было прекратить это делать. Без сомнения, она такая же, как я, человек со всеми своими слабостями, но она была достойна этого высокого постамента. Только одна вещь, которая заставляет меня двигаться вперед, это видеть стройную женщину в трусиках и лифчике, и она, конечно, была стройной.

«Прости», - сказала она, смеясь. "Я смутил тебя?"

«Нет, нет, не я все», - сказал я, думая, что меня больше всего возбуждает слово. «Я должен сесть, прежде чем потерять сознание», - внезапно сказал я горячо и махал рукой перед лицом, одновременно осторожно поправляя положение моего растущего члена. «На самом деле, да», сказал я. «Я не привык видеть, как женщина раздевается передо мной».

«Я никогда не таил никаких запретов, когда дело доходит до наготы». Она снова засмеялась. «Это было одной из тех вещей, которые сводили моего парня с ума», - сказала она, пожимая плечами, прежде чем переложить футболку на голову. «Для художника он такой ханжа».

Из моей первой оценки я понял, что она была очень скромной и частной личностью. Теперь я знаю лучше, я был неправ. На моем пьедестале, на котором я ее поставил, была трещина. Тем не менее, я предпочел женщину, которая не имела слишком много запретов и была более открытой с ее чувствами. Я наблюдал за ней, пока она шевелила своей круглой задницей в джинсах. Я задавался вопросом, была ли она выбрита, подстрижена или пушистая. Так как не было никаких признаков ошибочных волос или темной тени, я исключил густую шерсть.

«Прюд? Я бы больше хотел думать о нем, как о жопе», - сказал я со смехом.

«Все его друзья видели меня обнаженным, - сказала она, пожав плечами.

"Голый? Правда? Как?"

Я полагал, что ее парень заставил ее раздеться догола. Более взволнованная перспективой того, что она дает мне подушку говорить о всех случаях, когда парни видели ее обнаженной, чем мыслью увидеть ее обнаженной, было что-то в ней, что сводило меня с ума от сексуального желания к ней. Теперь, между 50-летним мужчиной и 25-летним мужчиной есть явная разница, пожилые мужчины довольны, наблюдая и наслаждаясь сексуальными образами, прежде чем прыгнуть головой в глубокий конец бассейна, тогда как молодые люди всегда хотят нырять без всяких усилий, не проверяя сначала воду.

Более эротический характер, чем порнографические, мы пожилые люди ценят растущее вожделение, что цвета нашего воображение и гладит наше церебральное желание во время, в то время как наши молодые коллеги больше связаны с физическими аспектами удовлетворения их пениса с сексом сейчас, задолго до того, их мозга был шанс догнать их петух. Мы, парни постарше, играем круто дольше, раздувая пламя сексуального желания донести страсть женщины до тёплого пылающего тлеющего угля, прежде чем мы начнем действовать. Легче потушить одним ударом, забыв о жаре или ее отсутствии у женщины, молодые гвоздики бьют, когда их пламя сильнее, задолго до того, как пожары навсегда

погасли. Слишком быстро их пламя гаснет, часто раз в считанные минуты, в то время как наш огонь все еще ярко горит годы спустя.

«У них всегда был предлог, чтобы прийти без приглашения, когда они знали, что мой парень красит меня в обнаженном виде. Я не спешил прикрываться, и они получили шоу», - сказала она, пожав плечами. «Мой парень выбрасывал их снова и снова». Она посмотрела на меня сине-серыми глазами. «Думаю, я мог бы быть нудистом». Она улыбнулась: «Я подумала, что это смешно. Парней так легко разбудить».

Внезапно я услышал еще один, хотя и более длинный треск в ее постаменте. Ради меня я надеялся, что она сможет сохранить равновесие и не упасть с высоты, которую я ей поставил.

«Ну, не стесняйся ходить в обнаженном виде», - сказал я со смехом. «Ты мой гость, и если тебе удобнее без одежды, пусть будет так. Я заставлю себя терпеть, что ты ходишь голым,

«Спасибо, - смеялась она, - но я не хочу давать вам неправильное представление обо мне, по крайней мере, пока», - сказала она, давая мне сексуальный взгляд.

Пока я живу, я никогда не забуду этот взгляд. Это был ее первый серьезный сексуальный интерес ко мне. Сирены и звоночки прозвучали в моей голове, сообщая мне, что у меня был шанс на роман с моим ангелом. Ее парень ошибался из-за моих шансов с ней. Уже переехав в мой дом, я бы сказал, что мои шансы на любовную связь были хорошими, очень хорошими.

«Если вы не совершили убийство и не убили меня, - сказал я, - вы никогда не сможете произвести на меня неправильное впечатление о себе».

"Хочешь кофе?" Она сказала, глядя на свои часы. «Я обычно пью кофе на этот раз каждый день».

"Конечно,"

«Если ты покажешь мне, где находится кухня, я сделаю это».

Я проводил ее по коридору, через столовую и на кухню. Она выглянула наружу, где играли Поло и Сеймур.

"Они в порядке?"

Я стоял в нескольких футах позади нее, восхищаясь впечатлением от ее круглой, твердой задницы, сделанной в ее обтягивающих синих джинсах.

«У них все хорошо», - сказал я, убирая взгляд с ее задней стороны, опасаясь, что она поймает меня на том, что я получаю больше удовольствия от взгляда своей задницы, чем от домашних животных, играющих в ответ. «У них есть мяч».

Я стоял у заднего окна, наблюдая за их игрой, пока она играла домохозяйку Сьюзи на кухне. Было хорошо, когда в доме снова была женщина. Я задавался вопросом, готовила ли она. Это не имело значения, так как я люблю готовить и, кроме того,

«Поло нравится иметь живого друга», - сказал я, наблюдая, как играют собаки. «И я тоже», - сказал я, глядя на нее и давая ей улыбку.

«Спасибо, что позволили мне остаться здесь с вами», - сказала она, поворачиваясь и возвращая

мою улыбку, прежде чем снова посмотреть в заднее окно, чтобы посмотреть, как играют собаки. «Только я не знаю, насколько Поло понравится ему, как только он вырастет, потому что, судя по его лапам, он будет действительно большой собакой, почти такой же большой, как великий датчанин».

Ее комментарий ошеломил меня. Она забыла о прошлом со своим парнем, пропустила настоящее со мной и поговорила с нами о будущем; по крайней мере, оставаться со мной, пока ее собака не вырастет до его полного размера. Это было через несколько месяцев. Я был в облаке 9, дрейфующем от звуков Джимми Баффета, играющего Чизбургер в раю, и от мыслей о том, что она встряхнется со мной до конца года, по крайней мере, если не до конца моей жизни. Я забегал вперед. Один день за один раз. Она здесь сегодня, и я могу только надеяться, что она останется здесь завтра.

Тем не менее, мое волнение не успокоило меня. Остальная часть моей жизни отозвалась в моей голове. Я вдруг задумался, сколько мне еще жить. Мой отец умер в 90 лет, может быть, я доживу до этого возраста. Представьте себе 40 лет Линн. У меня были мурашки по коже, думая обо всех хороших временах, которые мы могли бы иметь, и обо всем сексе, который мы могли иметь в 40 лет Я задавался вопросом, смогу ли я еще поднять его на 90, 80 или 70, даже. Слава Богу за Виагру.

Как только кофе закончил вариться, мы вытащили чашки на заднюю веранду, чтобы посмотреть, как играют собаки. Они никогда не устали бегать, прыгать, прыгать и играть. Мы сидели, как старые друзья, потягивая кофе, разговаривали, смеялись и лучше узнавали друг друга. Я протянул руку и коснулся ее щеки, где он ударил ее. Это был мой повод, чтобы прикоснуться к ней, посмотреть, была ли она на самом деле, и доказать себе, что я не сплю и не представляю ее в своем доме.

"Это будет синяк", сказал я. Ее кожа была такой мягкой.

«Я покрою это косметикой», - сказала она, нежно касаясь ее кончиками пальцев.

«Я должен был дать тебе немного льда, чтобы остановить опухоль». Я коснулся ее руки и держал ее там, когда она не отодвинулась. «Мне жаль, что я не думал об этом.

"Я в порядке, правда, спасибо."

"Он делал это раньше, ударил тебя так?"

«Да, несколько раз». Она сделала долгий задумчивый глоток кофе. «Я не знаю, почему я оставался с ним так долго, но мне некуда было идти. Я не хотел идти домой к своим родителям, и я не мог позволить себе свое место. Я просто рада, что он вышел из моей жизни и на этот раз навсегда, - сказала она, глядя на меня с грустной улыбкой. «Спасибо. Я благодарен вам.»

«Все в порядке. Не упоминай об этом. Я только рад помочь. Он действительно ублюдок».

«Я знала, что была причина, по которой ты вошел в мою жизнь», - сказала она, как будто мы внезапно оказались психически связаны. Она посмотрела на меня взглядом, который растопил мое сердце и улыбнулся. «Я всегда верил, что есть причина для всего». Она дотронулась пальцами до моих пальцев, и мы сидели, пили кофе, смотрели, как играют собаки, и держались за руки.

«Ублюдок! Надеюсь, я сломал ему челюсть. Я бы сделал это двадцать лет назад, когда бы регулярно бил кулаком свою сумку. Я бы нокаутировал его этим апперкотом. Тогда я бы давил

на его яйца, когда он был внизу». и вне. "

«Кто-то побил тебя до этого, я думаю». Она смеялась. «У него очень скромный пенис».

Я почувствовал, как мой член зашевелился, услышав, как она говорит о пакете другого мужчины.

Ее улыбка и ее красивые, эротичные глаза коснулись моего сердца, и мне так хотелось наклониться и поцеловать ее. Только мне нужно было разжечь пламя. Я не хотел торопить огонь, подавляя его своим возбуждением. Должно быть, она почувствовала момент, потому что она наклонилась и поцеловала меня. Это было так сюрреалистично, и я не мог поверить. Это был короткий поцелуй, клевка, но это было на моих губах. Это было так быстро, что у меня не было возможности отреагировать на это и поцеловать ее в ответ. У меня даже не было возможности закрыть глаза. Она застала меня врасплох.

Наш первый поцелуй, романтик, которым я являюсь; Хотелось бы, чтобы это было дольше с нашими обнаженными телами и языками, переплетенными страстью. Хотелось бы, чтобы мы были в лучшем месте, чем мое заднее крыльцо, где-нибудь с восходом солнца или закатом, возможно, у океана, или на вершине горы, или в долине у живописного ручья. Тем не менее, я был в восторге от ее внезапного и неожиданного проявления любви.

Позже той же ночью, когда я заснул, думая о том, как она спит в гостевой спальне, моя рука нашла мой член, и я начал гладить его до хорошей эрекции. Она заставляла меня возбуждаться весь день, особенно когда она переодевалась передо мной и особенно когда она повернулась ко мне лицом в лифчике и трусиках. У нее прекрасное тело, лучшее тело, которое когда-либо видели эти старые глаза.

Я думал о том, чтобы медленно раздеть ее, и когда она наконец обнажилась, попросил ее перевернуться из стороны в сторону, чтобы я мог насладиться красотой ее обнаженного тела. Я думал о том, что она стоит передо мной в лифчике и трусиках, как и раньше. Я думал о ней в этих кожанных джинсах. Обычно я не сплю обнаженным, но сегодня было жарко и влажно, и я был возбужден. Поскольку я не большой поклонник кондиционирования воздуха, если мне не пришлось тратить электроэнергию на охлаждение дома, я запускаю потолочные вентиляторы с окнами и дверью моей спальни, широко открытой для поперечного ветра. Тем не менее, даже с этим было неудобно тепло.

Интересно, было ли ей жарко? Я задавался вопросом, должен ли я включить кондиционер для ее комфорта. Интересно, спала ли она в обнаженном виде? Интересно, спала ли она с открытой дверью спальни? Интересно, спала ли она с включенным светом, с открытой дверью спальни и в обнаженном виде? Я думал о том, чтобы пройтись по коридору под предлогом перепроверки и обеспечения безопасности дома на ночь, чтобы увидеть, что я могу увидеть о ней. Надеясь поймать ее, лежащей на кровати, спящей обнаженной, без сомнения полагая, что я буду, и не в силах сдержать себя от того, чтобы смотреть на ее обнаженное тело и / или касаться ее обнаженного тела, я подумал об этом.

Медленный и плавный лучше, чем быстрый и нервный. Последнее, что я хотел сделать, это напугать ее. Последнее, что я хотел сделать, это сделать ее излишне неудобной. Последнее, что я хотел сделать, это заставить ее уйти и бежать из моего дома посреди ночи, опасаясь, что я изнасилую ее. Медленно поглаживая себя, я решил, что просто дрочу свою возбужденность к ней в ткани. Затем, когда я поднял глаза, она стояла в дверях моей спальни, прижимая подушку к длине своего тела. Я быстро убрал руку от моего члена.

«Я не могу спать», - сказала она. «Я давно не спала одна», - сказала она, зевая. Была долгая пауза, и она ошеломила меня тем, что она сказала дальше. "Могу ли я спать с тобой?"

http://tl.rulate.ru/book/1236/34977